

ЮЗЯ

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.

Подъ редакціей Р. Д. АНТРОПОВА

Изъ Календъ проконсула Петровія Дурновіуса.

Пресыпался свѣтъ — Народъ богатырь,
Видитъ: поле превращается въ пустырь;
Весь амбаръ заваленъ жадной стаей крысъ —
И откуда, только, въ хлѣбъ вы набрались? —

* * *

На дворѣ нѣтъ ни коровокъ, ни коней,
Въ огородѣ стадо грязное свиней...
Проняла тутъ злость Народушку:
Онъ берется за работушку.

* * *

Онъ пригналъ своихъ коровокъ и коней,
Припугнулъ дубиной пакостныхъ свиней;
Не жалѣлъ свиней тѣхъ русскій богатырь:
Онъ въ животики ихъ то-пырь-пырь-пырь

* * *

Принимался онъ за жадныхъ крысъ,
Приговаривалъ имъ: „брысь! брысь! брысь!“
Истравили вы мнѣ зернышко тутъ въ е-бъ!“
И ихъ лапоткомъ-то топъ-топъ-топъ!

* * *

Разошелся на работѣ богатырь,
Развернулся во всю мощь свою и ширь...
„Много гаду на Руси моей святой“,
„Всѣхъ васъ выведу, анаемы, постои!“

Н. Ратомскій.

Жиздакхыя новеллы Ёоккаіо.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями Романа Доброго

**Новелла 9. О томъ, какъ нѣкій хитроу-
мецъ, подъ видомъ старца Перуджино, попалъ
въ монастырь джованнистокъ, совратилъ шесть
благочестивыхъ овечекъ и отвезъ ихъ въ
заведеніе богомерзскихъ агарянъ.**

... Королева и всѣ придворные много смѣялись
предыдущей новеллѣ „о самыхъ сокровенныхъ чуде-
сахъ джованнистскаго ордена“.

Дамы стыдливо потупляли глазки, а кавалеры
игриво переглядывались.

— Кому сегодня развлекать насъ? — милостиво
обратилась королева.

— Мнѣ, ваше величество. Сегодня, послѣ долгаго
перерыва, я расскажу вамъ любопытную, забавную
исторію. Слушайте.

„Нѣкій субъектъ, еще молодой, пользующійся по-
зорной славой тайнаго продавца „живого товара“,
который онъ сбывалъ въ учрежденія, называть кои
неприлично, обратилъ свой благосклонный взоръ на
женскій монастырь радге Джованни.“

— Боже мой, — восклицалъ онъ сокрушенно, —
сколько тамъ прелестныхъ юныхъ дѣвъ пребываютъ
мало-производительно! Какимъ великолѣпнымъ ма-
териаломъ онѣ могли бы явиться для меня! Сколько
бы я могъ нажить на ихъ прелестяхъ!

И мысль во что-бы то ни стало похитить бѣд-
ныхъ овечекъ изъ ихъ убѣжища овладѣла негоднымъ
человѣкомъ съ неудержимой силой.

Но какъ привести планъ въ исполненіе? Какъ
попасть въ монастырь и вкрасться въ довѣріе? Долго
ломалъ онъ голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса.
Наконецъ его осянило!

Зная, что молодые мужчины могутъ попасть къ
джованистамъ только по особой протекціи, тогда
какъ старцы, да еще „святые“, безъ всякой, онъ и
рѣшилъ превратиться на время въ „святого“ старца.
Тутъ надо замѣтить, что за послѣдніе годы по всѣмъ
провинціямъ развелось „святыхъ“ видимо-невидимо,
не менѣе, чѣмъ охранно-тайныхъ карабинеровъ...

— Я сдѣлаюсь святымъ старцемъ Перуджино!
Чѣмъ я хуже signor'a Petrovio, выдающаго себя за
архангела Михаила и другихъ?..

Онъ одѣлъ на голое тѣло желѣзныя доски и об-
ручи *), облачился въ грязный, въ засаленный бала-
хонъ, опрыскавъ его настоящимъ галлипольскимъ
масломъ и окуривъ роснымъ ладонемъ. На голову
напялилъ длинно-сѣдовласый парикъ, прицѣпилъ боль-
шую бѣлую бороду и въ такомъ необычайномъ видѣ
явился въ монастырь джованнистокъ.

Передъ обителью—по случаю ожидаемаго прибы-
тія радге Джованни—толпилась масса народу.

При видѣ Перуджино, изъ огромной толпы вдругъ
выдѣлилась одна молоденькая женщина съ весьма
округленнымъ животомъ, подбѣжала подъ его благо-
словеніе и источнымъ голосомъ возопила:

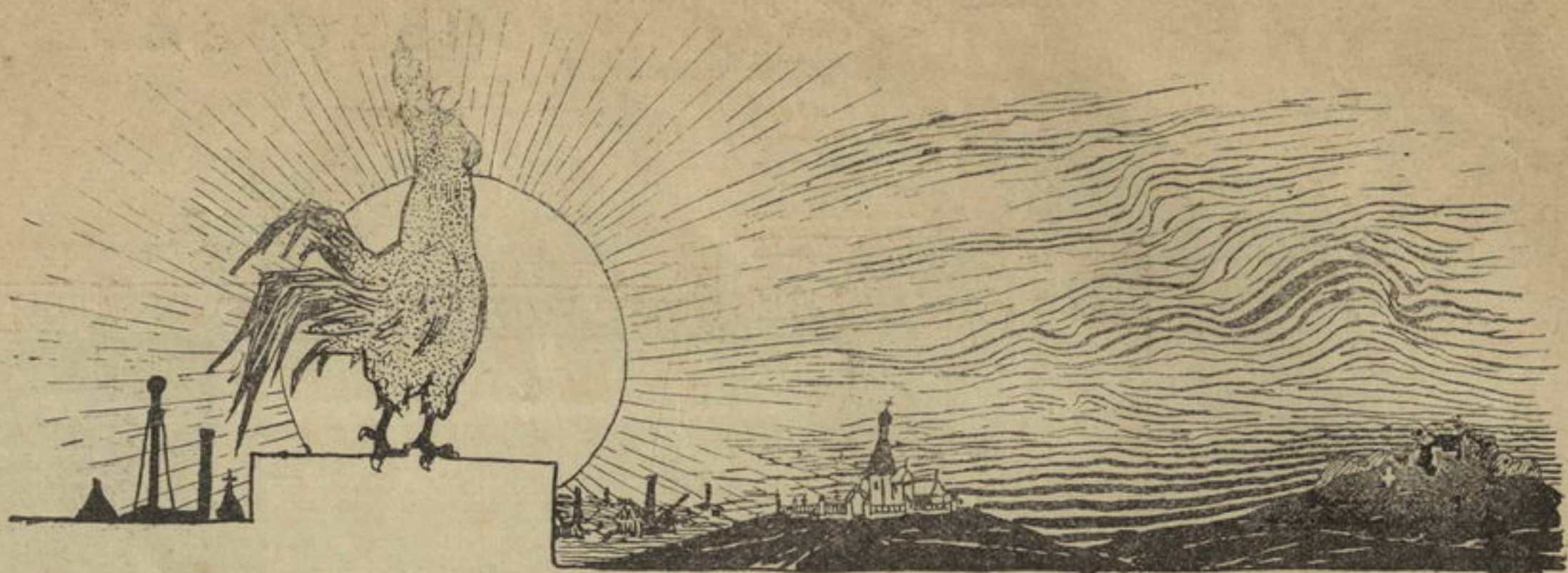
— О, святой старецъ, прозри и предскажи, кого
я рожу: дѣвочку или мальчика?

Въ толпѣ наступила благоговѣйная тишина. Всѣ
взоры были устремлены на Перуджино.

Перуджино смутился, но сейчасъ же возвелъ очи
горѣ.

Наконецъ послышался его голосъ, которому онъ
старался придать старческій оттѣнокъ:

*) Вродѣ русскихъ „веригъ“.

Отрывокъ изъ рѣчи на проводахъ одного губернатора.

Россію Западъ и донинѣ
Поносить варварской страной...
Судя по нынѣшней картинѣ,
Пожалуй, вралъ онъ небольшой...
Разъ столько лѣтъ режимъ подобный
Открыто могъ существовать,
Такъ не насмѣшкой только злобной
Тотъ взглядъ приходится считать....

Бомба.

Послѣднее средство.

Въ Думѣ Государственной имѣ, со всѣхъ сторонъ
На трибуну лавившимъ, всѣ кричали: „вонъ!“
Но они лишь пятились, исполняя вѣрную
Службу самовластію, наглость непомѣрную
Высказавъ, не двинулись къ выходу... Теперь
Отворить приходится передъ ними дверь,
И подъ ручку вывести, безъ членовредительства,
Каждое, нейдущее вонъ, превосходительство.

Н. А. П.

— Запомни же, женщина, что я тебѣ скажу:
если ты не родишь дѣвочку, — то родишь
мальчика, если же не родишь мальчика, —
то родишь дѣвочку.

Всѣ умилились душой. Чудо было на лицо. Правда,
какой-то уличный мальчуганъ громко фыркнулъ, но
откуда-то моментально появившіеся карабинеры бы-
стро возстановили порядокъ въ народѣ.

Матери-настоятельница, утомленной послѣ укро-
щенія трехъ взбунтовавшихся матросовъ, хитроумецъ
елейно заявилъ:

— Вотъ и я, „святой“ старецъ Перуджино, со-
брался къ вамъ, голубыни мои чистыя! На счетъ,
значить, того... этого... наставленія.

— Наставленія? — въ испугѣ, истомно вскричала
достопочтенная настоятельница. — Помилосердствуйте,
padre Перуджино, мы и такъ устали... Ужъ мы и такъ
наставляли, на единственный путь истины. Шутка ли:
цѣлый флотскій экипажъ усмирить свои бунтовщи-
ческія волненія!...

— Сіе зачтется вамъ всѣмъ не въ примѣръ про-
чимъ монахинямъ... — продолжалъ журчать Перу-
джино. — Однако, я все-жъ бы хотѣлъ убѣдиться,
сколь сильны въ устояхъ монашеской вѣры сестры
ваши благочестивыя.

— Что-жъ, padre Перуджино, идите въ келіи...
Побесѣдуйте съ моими овечками... Я — благословляю
васъ на сей подвигъ... Доброо дѣло сіе есть! Хитро-
умцу „Перуджино“ только этого и надо было. Ли-
кующій, подсмѣиваясь въ привязную бороду, началъ
обходить онъ келіи джованистокъ. Заглянетъ въ одну

келію, узрѣть ликъ неподобное — и сейчасъ же вонъ
оттуда.

— Молись, молись, — сурово говоритъ онъ.

Но лишь только на него изъ келіи глянетъ хо-
рошенькое, молоденькое личико, съ лукаво веселыми
глазками, съ задорной улыбкой, онъ говорилъ:

— Здравствуйте, возлюбленная сестра моя, во
свѣ. Бонифаціи, Керуляріи и padre Джованни! Имѣю
бесѣду вести съ вами по предмету зѣло назидатель-
ному. Грядите въ келарню!

И такимъ-то образомъ изъ шести келій извлекъ
онъ шесть миловидныхъ джованистокъ.

Собрались онѣ въ келарнѣ, подсмѣиваются, пере-
глядываются, шушукуются:

— Откуда явился этотъ новый старецъ? Стран-
ный какой-то: сѣдой, сгорбленный, а глаза — такъ
и жгутъ, такъ и просятся въ душу. И зубы какіе
бѣлые... и губы красныя... Не походитъ совсѣмъ на
схимника...

И вдругъ въ чистой, свѣтлой „горницѣ“ раздался
рѣзкій, суровый голосъ Перуджино:

— А что вы здѣсь дѣлаете, въ сей обители, се-
стры мои?

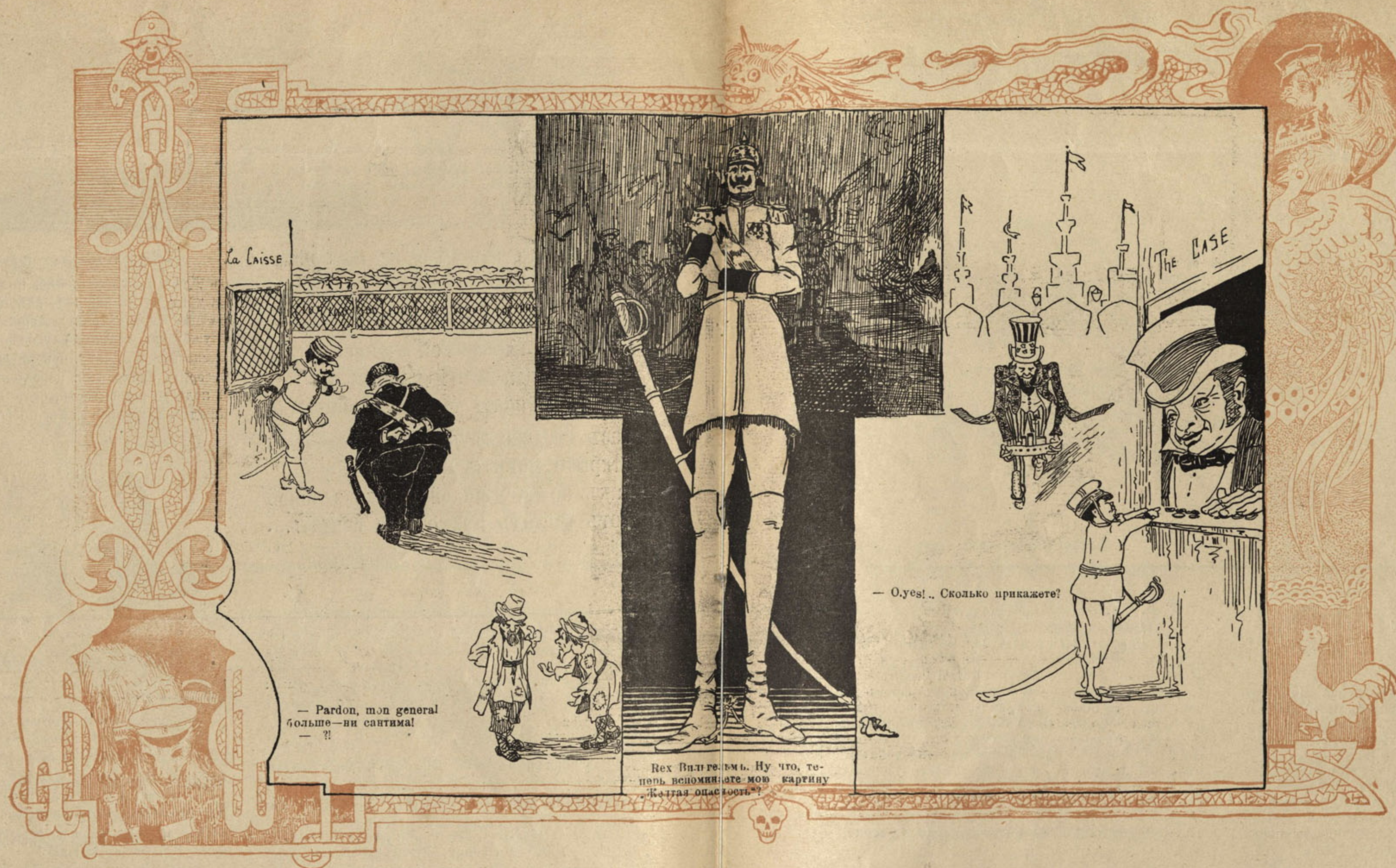
— Спасаемся, св. отецъ... стараемся... плоть
умерщвляемъ... потупили взоры овечки.

— А что за сіе получаете? — еще грознѣе про-
должалъ Перуджино.

— Надежду на право войти въ парадизъ на томъ
свѣтѣ.

— О, идіотки! — загремѣлъ Перуджино. — Неужели
вы на столько глупы и грѣшны, что довольствуетесь
только этимъ? Такъ знайте же: всякій человѣкъ и
на семъ свѣтѣ долженъ что-либо получать за труды
свои. Слушайте же меня: долгъ всякой подвижницы.

Панорама русско японской войны.

и всякого подвижника наставить на свой путь истины какъ можно больше людей, нуждающихся въ сладости истины. Если вы достигаете этого, вы и на сехъ свѣтѣ получаете благодарность за труды свои. О, сестры мои! Есть страна, именуемая Турціей, населенная богомерзскими агарянами, безбожниками. Какъ эти бѣдные, темные люди нуждаются въ „водѣ живой“ чистаго ученія! Кого спасете вы здѣсь за вашими стѣнами?.. Ни кого! а тамъ... тамъ, среди агарянъ, вы могли бы содѣять чудеса святого мисіонерства... Сколькихъ неврѣныхъ вы могли бы привлечь на ваше лоно истинно-монашескаго ученія: „не то оскверняетъ челоуѣка, что входитъ въ него, а то, что исходитъ“... О, сестры! не пугайтесь дальности пути и невѣдомости страны! тамъ — сладостно живется. Вмѣсто этихъ черныхъ ямбукъ и пох-

роннаго платья вы будете ходить въ золотой одеждѣ Тѣ монастыри „утѣшенія нуждающимся“, куда я васъ зову и отвезу, блестящи, красивы, какъ рай земной... Тамъ фонтаны, золото, лакомства, утѣхи...

— А за что все сіе? — изумились обрадованныя, разгорѣвшіяся джованни-тки.

— За то, что вы будете наставлять нечестивыхъ агарянъ на свой путь истины. Что-жъ, согласны вы ѣхать со мной? Тслько объ этомъ — ни кому ни слова!

— Согласны! — хоромъ отвѣтили монашки-джованнистки.

... Ночью, хитроумный Перуджино похитилъ и увезъ въ далекую страну агарянъ шесть очаровательныхъ джованистокъ.

Черезъ мѣсяць онѣ были въ роскошныхъ сера-

лахъ-гаремахъ, гдѣ и наставляли на свой путь истины толстыхъ надишаховъ.

Мать настоятельница джованистской обители вскорѣ получила посылку.

Въ ней оказались: парикъ и сѣдая борода Перуджино съ запиской такого содержанія:

— „Святой Перуджино, обрившись, посылаетъ достопочтенной матери-настоятельницѣ, на память о его чудесномъ появленіи въ ея монастырь, свои власы и свою бороду. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ своей обязанностью поблагодарить мать-настоятельницу за отличную подготовку шести овечекъ на путь наставленія, въ чемъ онѣ оказались весьма искусны“.

(Слѣдующая новелла въ № 8).

Дослужился!

Межъ черной сотней и правительствомъ
Онъ юридически былъ сводней;
Гордись его превосходительствомъ,
Ликують черти въ преисподней.
Пусть проклятъ въ Думѣ Государственной
Недавно онъ предъ всей страной,
А угѣшенъ благодарственной
Отмѣткой, данной Сатаной...
Гремитъ въ аду немолчный хоръ:
„Днесъ Павловъ — адскій прокуроръ!“

Ж-ж-ж-бацъ-бацъ.

Діалоги.

Учитель географіи (на экзаменѣ, ученику). Скажите, чѣмъ славится Выборгъ?

Ученикъ. Выборскими кренделями.

Учитель. А еще чѣмъ?

Ученикъ. (ковыряя въ носу) Последнимъ засѣданіемъ Государственной Думы..

Послѣднія похождения Чичикова.

(Случайно уцѣлѣвшія—отъ сожженія Гоголемъ—страницы его знаменитой поэмы „Мертвыя души“ *).

ГЛАВА III **).

— Да съ, такъ я и говорю вамъ, господинъ Чичиковъ: охота вамъ возиться съ такой дрянью, съ позволенія сказать, какъ съ мертвыми душами! — изрядной, но снисходительной октавой рекъ панъ генералъ-губернаторъ.

— Ваше сіятельство... ваше высокопревосходительство... — залепеталъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, обдергивая фракъ цвѣта наваринскаго дыма съ искоркой. — Не по карману живыя души: дороги онѣ, можно сказать, до удивительности. А у меня — жена, пять человѣкъ дѣтей...

— Ха-ха-ха! — залился панъ генералъ-губернаторъ. — Это живыя-то души теперь дороги? А знаете — вы ужъ не обезсудьте на добромъ словѣ — ваша матушка, когда васъ рожала, такъ навѣрное была не умнѣ поповой чушки... Да что-жъ, мошенникъ вы эдакій-сякой, нынче дешевле живыхъ душъ? Вашъ капурень — а пички! — добрый табакъ! — и тотъ дороже. Такъ вотъ что я вамъ скажу: потѣжайте вы въ бричкѣ вашей опять и къ Манилову, и къ Коробочкѣ, и къ Ноздреву, и къ Плюшкину и начните покупать у нихъ и живой и мертвый инвентарь. За гроши отдадутъ: Ну, а потомъ... сюда заѣдешь, мошенникъ... Понимаешь? по-ни-ма-ешь?..

— Ваше высоко-сіятельство... — радостно шлепнулся толстыми ляжками и колѣнками о превосходительный паркетъ Павелъ Ивановичъ.

— А я вотъ тебя, на всякій случай, мандатнымъ листочкомъ снабжу. На, держи!

Чичиковъ взялъ благоговѣйно, прочелъ и захолопалъ глазами.

— То-есть убей Богъ мою душу, — не знаю, на какомъ бисовомъ языкѣ слово сіе значитъ... — началъ потѣть Павелъ Ивановичъ.

*) См. № 4 изъ „Записокъ“.

**) Распределение главъ не по рукописи Гоголя, а по усмотрѣнію „чрезвычайной“ цензуры.

А на мандатѣ стояло одно слово:

— Про-во ка-торъ.

„Хорошо, если онъ меня только мошенникомъ смазаль, аттестуетъ, а что, если и того хуже?“ — закопошилось въ его напомаженной головѣ.

...Черезъ часъ, снявъ и упаковавъ фракъ въ чемоданъ, Чичиковъ вывѣжалъ изъ гостинницы на бричкѣ. Селифантъ важно сидѣлъ на облукѣ.

— Эй, вы, шершавые бисовы дѣти, сторонись!! Ни кого нибудь везу, а самого пана — провокатора! Енъ, можно сказать, поважнѣе любого генерала будетъ... — лихо кричалъ Селифантъ, подбоченъсь гоголемъ.

И вотъ — снова поля, поля... родимыя степи. „Ахъ, чортъ васъ возьми, какъ хороши вы, степи!“

IV.

— А могу я видѣть господина Плюшкина? — съ очаровательной граціей, колыхая толстенькимъ брюшкомъ и дѣлая пріятный жестъ рукой, обратился Павелъ Ивановичъ къ грязной толстой бабѣ въ посконномъ сарафанѣ, которая чесала мѣсто, не къ ночи будь помянутое.

Баба испуганно шарахнулась въ сторону и почему-то засопѣла.

— Енъ... а енъ на сѣновалѣ схоронился... — отвѣтила наконецъ послѣ долгаго приставанія Чичикова, пугливая баба. — А ты кто будешь? а? може — драгунъ, али казакъ?

— О, нѣтъ, очаровательная женщина, — улыбнулся Чичиковъ, я не казакъ. Развѣ казаки ходятъ въ партикулярномъ платьѣ? Я — про-во-ка-торъ!

И лишь только Павелъ Ивановичъ произнесъ это важное слово, какъ раздался испуганный плачь и ревъ бабы, устремившейся во дворъ.

— Ховайтесь, люди добрі, а то же новая біда: панъ губернаторъ до насъ пріѣхалъ.

Чичиковъ пожалъ плечами.

— А и необразованность же какая! — сплюнулъ важно съ козель Селифантъ.

Чичиковъ, слѣзши, пошелъ во дворъ...

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

НАЧАЛЬСТВО.

Здравомыслящій русскій народъ,
Подчиненный порядку сызмальства,
Съ уваженьемъ глядитъ на господъ
И считаетъ ихъ всѣхъ за начальство.

Онъ къ начальству издревле привыкъ,
Передъ нимъ не достоинъ бахвальства,

И любой согласится мужикъ:
— „Невозможно никакъ безъ начальства!“

Если въ шею ему наладетъ
Предержащая власть изъ нахальства,
Нашъ мужикъ оправданье найдетъ:
— „Что подѣлаешь!—воля начальства!“

Всевозможный чиновничій сбродъ
Практикуетъ надъ нимъ всѣ канальства...

Крѣпко чешетъ затылокъ народъ,
Говорить: „для того и начальство!“

Терпѣливъ-же нашъ русскій народъ,
Подчиненный порядку сызмальства!
Если власть съ него шкуру сдеретъ,—
Говорить онъ: „нельзя безъ начальства!“

Р. Ратомскій.

„Se non e vero, — e ben bréchato“.

I.

Намъ сообщаютъ, что, бывший во время русско-японской войны, главноуполномоченнымъ Краснаго Креста, нынѣ Екатеринославскій губернаторъ, камергеръ Александровскій, на дняхъ, предпринимая объѣздъ своей губернии, для ревизіи, издалъ приказъ о немедленномъ снятіи и уничтоженіи на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, паромныхъ пристаняхъ, въ публичныхъ садахъ и др. мѣстахъ большого скопленія публики, вывѣшенныхъ предохраняющихъ аншлаговъ и плакатовъ съ надписью: „остерегаться карманныхъ воровъ“.

II.

Намъ пишутъ изъ Москвы, что адмиралъ Дубасовъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ а затѣмъ за границу, издалъ распоряженіе о снабженіи, какъ чиновъ жандармеріи и полиціи, такъ и войскъ, назначаемыхъ въ карательныя экспедиціи, настоящими «электро-суспензоріями», такъ щедро рекламированными его другомъ и пріятелемъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ, въ своей либеральной газетѣ „Нов. Время“. Мотивомъ къ такому распоряженію послужило, по словамъ московскаго побѣдителя, замѣченное имъ и другими начальствующими лицами, сильное переутомленіе и даже полное физическое истощеніе въ рядахъ дѣйствовавшихъ на усмиреніе лицъ и чиновъ, вызванное ретивымъ желаніемъ ихъ создать новое и консервативное поколѣніе въ мѣстностяхъ посылки карательныхъ и слѣдственныхъ экспедицій, взамѣнъ повышенныхъ, разстрѣленныхъ и иными путями убитыхъ крамольниковъ и бунтарей.

Средства на приобрѣтеніе всѣхъ этихъ довольно цѣнныхъ аппаратовъ, долженствующихъ сильно послужить увеличенію народонаселенія въ Россіи, сухопутный адмиралъ Дубасовъ приказалъ собрать наложеніемъ особаго налога на всѣхъ женщинъ и дѣвицъ, живущихъ въ районѣ его генералъ-губернаторства, какъ наиболѣе, и нравственно, и физически, заинтересованными въ проведеніи этой, благотѣлствующей ихъ, мѣры.

Сообщилъ Дж. Буль.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ №№—комплекты (съ 1-го по 5) журнала „Занозы“ можно получить въ конторѣ—редакціи. № 6—увы!—подвергся мучительной операци: онъ кастрированъ тупыми административными ножницами, вслѣдствіи чего и потерялъ всякую правоспособность *Sit ei terra levis!*

Сослѣдующаго № „Новеллы Боккачіо“ будутъ помѣщаться съ иллюстраціями и начнутся печатаніемъ „Послѣдніе похождения и подвиги донъ Кихота Ламанчскаго“ (по рукописи донъ Магуэля Сервантесса да-Сааведра)

Нумера „Занозы“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по полученіи задаточной суммы въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 10-ми копѣеч. марки.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ по вторникамъ и пятницамъ отъ 3 до 4 ч. д.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 г.
еженедѣльный журналъ

художественной сатиры

Цѣна отдѣльнаго №—15 коп. безъ перес., съ перес.—20к.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Р. Л. Антропова.

Подписная цѣна: годъ—4 руб., 1/2 г. —2.; съ пересылкой во всѣ города Россіи—годъ—5 р., г. 1/2 3 руб.

Подписка принимается въ редакціи: Спб. Итальянская, 27 и во многихъ городахъ Россіи